

4 • 26 мая 1981 года

КУЗБАСС

КУЛЬТУРА • ШКОЛА

КАСЕТНОЕ
ТЕАТРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ТЕАТРАЛЬНОЕ
А В Т. НАЧАЛАСЬ
1981

Интервью
в антракте

РЕЖИССЕР. АКТЕРЫ. ЗРИТЕЛИ...

Застать в эти дни в своем кабинете главного режиссера Кемеровского драматического театра им. А. В. Луначарского, заслуженного деятеля искусства РСФСР Б. И. Соловьева невозможно. К обывкам «главрежским» работам — репетициям, заседаниям художественного совета, участию в занятиях со студентами — прибавились десятки других, связанных с подготовкой к поездке театра с творческим отчетом в Москву. А тут еще и корреспондент газеты пришел с вопросами...

— Борис Инфантаевич, как говорят герои одного из последних спектаклей театра: давайте присядем перед дорогой и оглянемся на завершающийся сезон. Как вы, художественный руководитель коллектива, оцениваете его, с какими мыслями и чувствами прощаетесь с ним?

— Сезон для нас выдался особенно трудным. Пришлось его начинать, когда в нашем здании еще шел ремонт. Подготовка к поездке с творческим отчетом в Москву тоже потребовала предельного напряжения сил.

Но вот, казалось бы, намечавшийся репертуарный план мы выполнили, комиссия Министерства культуры СССР и РСФСР, смотревшая спектакли, дала положительную оценку творческому состоянию театра, а душа у главного режиссера все же неспокойна. Выход, сколько осталось нерешенных проблем. Самая большая из них — и в этом сезоне не появилась в репертуаре спектакли, тесно связанные с жизнью и проблемами нашего края.

Мы отчетливо сознаем, что нужно иметь спектакли, в которых бы ставились нераспелые проблемы, вытекающие из спешки труда и образа жизни большого отряда рабочего класса Кузбасса — шахтеров. Знали бы, что «своего» спектакля ждут от нас и химик, и строитель. Вот почему и остается в душе ощущение, что нечто из мыслей зрителей все же не додоговаривается.

Поиск хорошей пьесы всегда-то для театра был занятием непростым. Но особенно сложным он стал в последние годы. После Чехова из пьес Н. Дворского «Человек со стороны» не появилось на театральной сцене героя-современника, равногочему по испанцам. Пьеса Шинкина на пьесу А. Телькина «Мы ниже подвизавшиеся...» — все-таки не открытие нового характера.

И директор завода Виктор Ломакин из спектакля по пьесе Ю. Черняка «Присяжем перед дорогой», который идет на сцене нашего театра, тоже не открытие драматургом, а званием и театром, самобытной фигуры руководителя современного производства. Герой этот скорее помогает выявлять несостоятельность другого героя спектакля — председателя горисполкома Красноя, нежели сам предстает неординарной личностью.

Желание иметь спектакли с ярким, жизнеутверждающим героем заставило некоторые драматические театры обратиться к постановке киносценариев. В свое время фильмы по этим сценариям были самым искусством, так как показывали удивительных героев людей новой формации. А спектакли, несмотря на то, что в них заняты очень интересные актеры, вряд ли могут претендовать на выдающееся явление современной театральной жизни. Их постановщики являлись искать в пластах, уже отработанных.

Сегодня известно, опытные драматурги пишут чаще камерные пьесы, скуповато раз-

рабатывая различные психологические коллизии. Даже А. Гельман в своей последней пьесе «Надпись по песням» окупился и семейные проблемы.

— Из-за такой ситуации, сложившейся в драматургии, театры чаще стали обращаться к инсценировкам прозы?

— Во многом по этой причине, чтобы создать полноценный репертуар. Меньше, чем за год, мы поставили инсценировки двух крупнейших романов советской и русской классической литературы — «Тихого Дона» М. Шолохова и «Анны Карениной» Л. Толстого. И считаем, что это позволяет нам иметь репертуар достаточно высокого уровня, который интересен зрителям и который, в свою очередь, потребовал не только от творческого состава коллектива, но и от технического тоже, повышения своего мастерства, профессиональной учебы.

— Борис Инфантаевич, вопрос нам как постановщику. Вот спектакль обрел сценическую жизнь, пришел много раз, принят публикой и критикой. Как дальше с ним у вас складываются взаимоотношения?

— Обычно не покидает желание вновь и вновь возвращаться к пьесе, чтобы что-то корректировать, улучшить. Несмотря на то, что иной спектакль живет уже не один сезон, накопление материала продолжается, и где-то в глубине души чувствуется надежда, что в еще вернусь к этой пьесе и тогда-то уже полностью полностью спон замыслился...

— Но это, видимо, может произойти только в том случае, если очень понравится пьеса?

— А если не понравится пьесе, то нельзя и браться за ее постановку. Спектакля у тебя не получится — будет сплошная фальшь, которую зритель сразу же почувствует.

Обязательно нужно не только самому полюбить пьесу, но и заставить полюбить ее артистов. Помню, когда мы приступили к постановке «Города на заре» А. Арбузова, в труппе раздвинулись сплошные валодки разочарования. Слишком «на слуху» у всех эта пьеса, многим приходилось играть в ней в годы учения.

Но брать пьесу в репертуар было надо — спектакль готовился к 40-й годовщине комсомола. Начали с подробного изучения и разбора биографии каждого героя. И так увлеклись этим, что явственно увидели, какие интересные актерские работы могут появиться в спектакле. У каждого героя оказался свой характер, своя очень непростая судьба. Жизнь уже больше поворачивала многих из них. В общем, понравился нам герой, и захотелось так рассказать о них со сцены, чтобы и зрители почувствовали наше глубокое уважение к парням и девушкам, на заре Советский власти строившим города и свои судьбы.

— Этот спектакль театра был справедливо отмечен премией обкома ВЛКСМ «Молодость Кузбасса».

Но ведь бывает, что спектакль не удался?

— Я очень болезненно воспринимаю каждую неудачу. Если это честная неудача — над материалом работал много и добросовестно, а вот почему-то не получилось, — стараюсь обязательно докопаться, в чем же дело.

Когда же неудача постигла потому, что легкомысленно отнесся к подготовке, понадеявшись на внезапное «озарение», потом испытываю жуткий стыд.

А иногда просто не удается угадать, что хотел сказать автор тем или иным персонажем, что имел в виду, наводил ту или иную ситуацию.

— Вы считаете, что каждая пьеса имеет свою загадку?

— Безусловно, если, конечно, это настоящая пьеса. Возьмем «Чайку» А. П. Чехова. Вот уже 85 лет «разгадывают» ее режиссеры. Сначала пропал ее в Александринском театре, затем триумф в Московском Художественном. А в последующие годы опять немало неудачных постановок.

Сколько вопросов сразу встает перед тобой, когда начинаешь думать над этой пьесой. Почему Чехов назвал пьесу «Чайка»? Чайка — птица красивая, но ведь хищница. Живет у оврага и туда же возвращается умирать. Почему Ниша дала фамилию Заречная? А какая печальная судьба у нее! Случайно ли это?

Или возьмем «Вишневый сад». Что это за место такое, притянувшее столько разных людей с несчастными судьбами?

— Как вы относитесь к тому, что многие актеры сейчас устремляются в режиссуру?

— Наш театр подобно моему мнению не притянуло, и я считаю это благом для труппы, потому что редко удается актеру удачно выиграть в роли режиссера. Режиссер — это не профессия, а особый способ мышления. Каждый должен уметь хорошо делать свое дело: актер — играть, в этом его призвание, а режиссер — ставить спектакли.

— Каким вы хотите видеть актера?

— Обязательно талантливым, думающим, имеющим свое мнение и умеющим отстаивать его.

— Вы разрешаете на репетициях спорить с собой?

— Если по делу, то обязательно. Для меня нет большего наслаждения видеть, как актер, получив какие-то исходные данные, начинает жить на сцене самостоятельным, обогащая роль собственными находками. Если же он только выполняет режиссерские указания — этого мало.

— Как с этих позиций вы оцениваете труппу нашего театра?

— Сильная труппа, много интересных творческих индивидуальностей. Нашим артистам по плечу создание крупных сценических полотен. Последние работы это убедительно доказали.

— Какого зрителя желаете видеть в зале?

— Любшего театр, а значит, знающего и понимающего его: некий зрительный зал и сцену — сцены совмещающиеся. Актеры сразу чувствуют, что за зритель сидит в зале, и мгновенно реагируют на это. Так что последнюю корректуру в спектакль вносит не режиссер, а зритель. Он же — творец, судья и он же самый страшный критик для театра — не разгромил решения в газете, а пустое кресло в зале.

— Что вы ждете от творческого отчета в Москве?

— Он будет проверкой нашего репертуарного курса, творческого уровня. Мы хотим услышать самые различные мнения, обдумать, обсудить их, чтобы нанести перспективу дальнейшего движения вперед.

Богдана Веза
З. СУВОРОВА.

НА СНИМКЕ: заслуженный деятель искусств РСФСР Борис Соловьев и режиссер Леонид Шалов на репетиции.

Фото В. Грызыхина.
Г. Кемерово

